

к.социол.н.доц.ГУ-ВШЭ Р.Н. Абрамов

Креденциалистская инфляция и возможности трансграничной интеграции российской системы высшего образования в условиях «пакетного» характера спроса на образовательные услуги

Что такое трансграничное образование? Под транснациональным, или трансграничным, образованием подразумеваются все виды программ высшего образования, или курсов обучения, или образовательных услуг, включая дистанционное образование, при осуществлении которых обучаемые находятся в другой стране, нежели та, где расположен вуз, присваивающий квалификацию. Программы могут принадлежать образовательной системе зарубежной страны или быть реализованы независимо от какой-либо национальной системы образования[10,11]. Есть несколько преимуществ трансграничного образования. Во-первых, транснациональное образование заметно расширяет возможности индивида по доступу к обучению и профессиональной подготовке в очень широком спектре. Во-вторых, его появление на образовательном ландшафте любой страны приводит к повышению уровня конкуренции среди учебных заведений традиционного типа, что позитивно сказывается на образовательной сфере в целом. Кроме того, страна-экспортер обеспечивает образовательным услугам своих учебных заведений большую конкурентоспособность на мировом рынке, что создает возможности для получения доходов. Таким образом, перспективы получения дополнительных доходов служат еще одним стимулом развития транснационального образования[10,11].

Когда рассуждают о развитии трансграничного образования как одного из способов сохранения работоспособного ядра российского высшего образования и науке с помощью активизации экспорта образовательных услуг, то обычно приводят два основных индикатора, управления которыми позволит регулировать спрос на образовательные

услуги российских вузов. Первым из этих индикаторов является кадровый потенциал отечественной науки и образования. Несмотря на значительные проблемы, потери и, даже болезни, имеющие место быть в преподавательском корпусе отечественных вузов, предполагается, что в целом профессорско-преподавательский состав составляет конкурентное преимущество российского образования на внешнем рынке. Вторым из индикаторов выступает относительно невысокая стоимость получения высшего образования в России, хотя практика последних нескольких лет показывает, что по стоимости образования, ведущие отечественные вузы соперничают со многими европейскими университетами. Например, в 2004 г. в обзоре журнала «Эксперт» было обозначено несколько преимуществ отечественной образовательной системы как «экспортного товара»: «Опыт создания лучшего в мире образования (того же Физтеха), то есть понимание того, какими усилиями и как лучшее создается. Второй козырь - у нас есть солидный опыт обучения иностранных студентов. Третий - фундаментальность русского образования, которую ему удалось все-таки сохранить даже в последние крайне тяжелые пятнадцать лет. И эта фундаментальность признана во всем мире. И, наконец, четвертый - дешевизна нашего образования: обучение в наших вузах обходится иностранцам в 2-5 тыс. долларов в год, то есть на порядок меньше, чем в других странах. Да и проживание в России куда дешевле, чем в той же Англии. Нужно, правда, понимать, что низкие цены прельстят совсем небольшое число европейцев и американцев, но абсолютно точно будут аргументом для студентов из стран третьего мира и СНГ»[12].

Итак, мы собираемся активно участвовать в глобальной конкуренции на рынке образовательных услуг, предлагая относительно недорогое высшее образование, с приемлемым качеством подготовки выпускников. Но здесь есть несколько моментов, которые могут послужить препятствием для успешной конкуренции российских вузов на внешних

рынках образовательных услуг. Рассмотрим эти моменты чуть подробнее. Будем исходить из того, что спрос на образовательные услуги носит пакетный характер. Что это означает? Это означает, что в ходе принятия решения о выборе страны и вуза, где будет проходить обучение, домохозяйство (чаще всего такое решение принимается совместно родителями, оплачивающими образование во взаимодействии с абитуриентами) принимает к рассмотрению целый комплекс обстоятельств и вводных факторов, потенциально значимых с точки зрения о целесообразности или нецелесообразности поступления в тот или иной университет той или другой страны. И, следовательно, стоимость и качество обучения, участие в болонском процессе являются важными, но далеко не единственными индикаторами, учитываемыми в данных обстоятельствах.

Какие же еще факторы принимаются во внимание? В первую очередь речь идет о таком понятии как «качество жизни». Индекс «качества жизни» - это комплексный показатель, адекватно характеризующий уровень общественного развития, достигнутый той или иной страной и включающий такие показатели как состояние здравоохранения и образования, занятость населения, покупательная способность, средняя продолжительность жизни. Индекс качества жизни характеризует уровни потребления материальных и духовных благ населением тех или иных государств и отражает успешность (или неуспешность) реализации государством своих социальных функций по отношению к своим гражданам[13].

Разные аналитические агентства и международные организации регулярно публикуют собственные рейтинги «качества жизни», куда включают и другие показатели. Несмотря на все претензии к методикам расчета таких показателей, общий тренд выглядит примерно одинаково – Россия неизменно находится в арьергарде по уровню «качества жизни».

Согласно исследованию группы из МГИМО-Университета МИД РФ, работающих при поддержке Института общественного проектирования и Информационной группы «Эксперт» над проектом «Политический атлас современности» в рейтинге качества жизни первенство принадлежит успешным и демократичным странам, среди которых Люксембург (скорее лидер-исключение), Ирландия, Норвегия, Сан-Марино, США, Швейцария, Исландия, Великобритания, Австралия, Бельгия. На противоположном полюсе - ЦАР, Афганистан, Демократическая Республика Конго, Замбия, Бурунди, Чад, Эфиопия, Кения, Руанда, Гвинея-Биссау и др. Россия в этом рейтинге на 73-м месте, что является невысоким показателем, основанием для которого послужили низкая продолжительность жизни, высокая смертность, низкие расходы на здравоохранение[13]. Авторитетный ежегодник «Мир в цифрах» (World in Figures), издаваемый журналом The Economist, предлагает собственное распределение по качеству жизни: возглавляет этот список Норвегия, в тройку лучших входят Исландия и Австралия, восьмое место занимает США. Таким образом, лидеры экспорта образовательных услуг занимают лидирующие позиции по качеству жизни.

Особое место занимают бытовые условия, в которых предстоит жить будущему студенту. Очевидно, что большая часть общежитий российских вузов не соответствуют стандартам, принятым в большинстве европейских университетах. В этнографическом исследовании петербургского антрополога М. Сафоновой предлагается классификация самых распространенных типов студенческих общежитий: «Классическое общежитие - это общежитие коридорного типа, чаще всего с плохими санитарными условиями, без душевых в здании самого общежития. Жильцами бытовые условия оцениваются как бедственные, но описываются с большим юмором и не считаются самым главным недостатком общежития. Неклассическое общежитие - квартирному типу.

Студенты живут в квартирах с двумя-тремя комнатами, собственной ванной и душем. Кухня общая, но рассчитана на гораздо меньшее количество человек, все конфорки обычно работают. Но различия не ограничиваются наличием хозяйственно-бытовых проблем в одном случае и отсутствием таковых во втором. Существует различие и в интенсивности соседского общения. В квартирных общежитиях гораздо меньше общаются с соседями из других комнат. От общего коридора комнату отделяют уже две двери, и это более значительное препятствие. Коридоры классического общежития бывают абсолютно пустыми разве только ранним утром, в коридорах неклассического - пусто практически все время. Непременные составляющие пространства общежития - это отсутствие собственного пространства, «разность» с соседями (психологическая, культурная, моральная и т.д.), потребность в одиночестве, в возможности побыть одному, когда это необходимо»[14]. И если даже российский вуз специально строит или ремонтирует отдельное общежитие для иностранных студентов, то это, во-первых, создает сегрегацию в студенческой среде, и, во-вторых, окружающая инфраструктура (прилегающая территория, коммуникации, качество коммунального обслуживания) обычно остаются прежними. То есть простое выделение иностранных студентов в особую касту, имеющую иные бытовые усилия, не только не является выходом из ситуации, но может стать почвой для конфликтов в студенческой среде.

Конечно, немаловажное место занимают проблемы личной безопасности. Не секрет, что в течение 2006-2007 гг. в некоторых городах России (Санкт-Петербург, Воронеж) были зафиксированы регулярные нападения на иностранных студентов, некоторые из которых закончились смертью пострадавших. Оставляя в стороне подозрения в том, что нападения были осуществлены на национальной почве, отметим лишь их как свидетельство отсутствия достаточных гарантий безопасности для

иностранных студентов, обучающихся в стране. Отдельного внимания заслуживает низкий уровень доверия к работе правоохранительных органов даже среди жителей России.

Пространственная организация университетских кампусов также имеет немаловажное значение с точки зрения потребительской привлекательности обучения в университетах. Большинство старейших европейских университетов создавались в городах, обладавших существенным влиянием и являвшихся важными центрами торговли в Средневековье и раннем Новом времени, но затем утративших былой статус. Утрата статуса повлекла за собой упадок торговли, но позволила снизить приток населения, сохранить живописную старую архитектуру и повысить роль университетов в городской экономике. Жизнь в таких городах располагала к академическим занятиям, не только размеренным ритмом и тишиной, но и относительно невысоким ценам на жилье и продукты. В США посредством Акта Моррилла стимулировалось строительство университетских кампусов на свободных территориях – университет становился или городом в городе или сам служил «градообразующим предприятием». Напомним, что в 1862 г. в США был принят Акт Моррилла, в соответствии с которым каждый штат выделял федеральные земли для создания государственных учебных заведений[15,с.138]. Становление национальных государств повлекло за собой новую волну создания университетов, прежде всего в столичных городах, таких как молодой центр усиливающейся прусского государства – Берлин. Государственные амбиции способствовали появлению Санкт-Петербургского и Киевского университетов в России. Точками роста в Европе и США до сих пор являются относительно небольшие (до 300 тыс.чел.) города, тогда как в России, начиная с XIX века, университеты предпочитали размещать в городских центрах, которые уже обладали значимым статусом как административные, торговые, транспортные

центры. Пребывание в таких городах удорожало обеспечение через косвенные издержки на питание и проживание. Административная логика развития страны не предусматривала развитие университетских центров в малых и средних городах.

Итак, пакетный тип спроса на образовательные услуги включает в себя целый комплекс индикаторов, учитываемых потенциальным потребителем при выборе страны, где будет проходить обучение. Наиболее важными среди этих показателей являются стоимость обучения, качество образовательных услуг, субъективное и объективное «качество жизни» в стране пребывания, перспективы постоянного проживания в стране после окончания вуза, уровень личной безопасности, возможности проведения досуга и т.п. Исходя из этого следует сделать вывод, что если Россия собирается стать активным игроком на глобальном рынке образовательных услуг, недостаточно целевых инвестиций в систему высшего образования, необходимо последовательные и долговременные институциональные изменения, направленные на рост привлекательности страны с позиций «качества жизни».

До момента активизации процессов трансграничной интеграции российской системы высшего образования, она находилась в условиях естественного протекционизма. Будучи защищенной специфической системой credentials (дипломов и сертификатов), доставшейся в наследство от СССР. Теперь сложившаяся credenциалистская система активно корродирует, испытывая на себе воздействие внешних и внутренних факторов: с одной стороны Болонский процесс меняет институциональные конфигурации высшего образования, с другой стороны, развитие негосударственного вузовского сектора и массовизация образования создают качественно новую ситуацию не только на рынке образовательных услуг, но и на рынке труда квалифицированных кадров.

Исторически, образцом высшего образования для России служила классическая немецкая университетская система, а позже система подготовки инженерных кадров в Германии и Франции. Это предопределило главные структурные элементы отечественной образовательной и профессиональной системы: пятилетний срок обучения в вузе, наличие ученых степеней кандидата и доктора наук, формирование широкой сети политехнических и педагогических вузов и многое другое. Фактически сложившаяся организационная рамка системы образования воспроизводилась на протяжении всего времени от основания первых университетов, до советского и постсоветского периода. Однако, сегодня, кажется, ситуация может измениться: Россия взяла курс на интеграцию в европейскую образовательную систему, приняв основные положения Болонской декларации. А это подразумевает не только переход на двухуровневую систему подготовки кадров (бакалавр - магистр), но также трансформацию профессиональной системы и рынка труда. Ведь на смену однородной массе выпускников вызов, обладающих дипломами «специалиста» приходит две группы работников – тех, кто получил степень «бакалавра» и тех, кто имеет степень «магистра». Кроме того, в течение последующих нескольких десятилетий работодателю, фактически придется выбирать между тремя модификациями подготовленных кадров: «бакалаврами», «магистрами» и «специалистами» - до сих пор самый массовый сертификат (credentials), подтверждающий статус выпускника вуза. Также есть реальная возможность, что правом выдачи степени бакалавра будут наделены многие колледжи (в прошлом, техникумы). То есть фактически на рынке труда будет одновременно обращаться несколько видов credentials, соотношение между которыми довольно долгое время будет неопределенным. Это принесет с собой не только новые проблемы для отделов кадров, но внесет путаницу в сложившуюся профессиональную систему, создав угрозы credenциалистской инфляции.

Для понимания источников, субъектов, объектов, процессов и результатов этих изменений требуется адекватный объяснительный аппарат, уже разработанный социальными науками.

Концепция credenциалистского общества была предложена известным американским социологом Рэндаллом Коллинзом около тридцати лет назад в работе «Кredenциалистское общество: историческая социология образования и стратификация» [7]. Основная идея Коллинза заключается в том, что историческая экспансия образования в современном обществе и появление тесной связи между профессиональной монополией и образованием создают новый тип общества, где credentials (формальные сертификаты, подтверждающие квалификацию их обладателя) становятся определяющим фактором стратификационной системы. Профессиональное образование готовит студентов, наделяя их соответствующими навыками и знаниями, служащими основными детерминантами профессионального успеха. Иерархия достижений в области образования отпечатывается в иерархии занятий и успеха.

В целом, по заключению Коллинза в современной экономике, с доминирующей ролью новых технологий, происходит рост числа профессиональных позиций, где требуются более глубокие теоретизированные знания и изощренные навыки. Традиционно университет и высшие профессиональные школы служили фабриками, производившими такие знания и передающими их будущим профессионалам в форме credentials. В процессе найма, credentials снижали уровень информационной неопределенности относительно способностей кандидатов в выполнении своих будущих должностных обязанностей. То есть credentials можно назвать формой социального кредита, который символически облегчает обмены в условиях социальной неопределенности рынка труда. Профессиональные группы используют стандартизированные

научные степени (от бакалавра до доктора наук) для контроля за процессом найма и легитимации монополии в своем секторе рынка труда в частной практике и относительно профессиональной работы в организациях. Таким образом, профессиональная мобильность носит скорее коллективный, нежели индивидуальный характер[8]. Позже ключевые элементы credenциалистской теории были сформулированы Дэвидом Брауном[5]:

1. Возможности социальной эксклюзии и культурные аспекты профессиональной деятельности составляют основной смысл и содержание credentials, тогда как технические составляющие профессионального труда и вопросы его эффективности отступают на второй план. Соответственно на credenциализованных рынках труда пороговая квалификационная степень более важна, чем продолжительность обучения или технические знания.

2. Формальные credentials – это абстрактное выражение действительных знаний обладателей дипломов, чью компетентность могут подвергать сомнению работодатели. Символический капитал, предоставляемый credentials, не есть величина постоянная, он может быть увеличен или снижен в конкретном организационном контексте и, таким образом, формальная квалификация связана с должностной властью на рабочем месте.

3. Credentials во-первых, закрепляют за профессиональными группами привилегированный статус, контролируют культурную составляющую доступа к должностным позициям, во-вторых, используются для измерения профессиональной кредитоспособности кандидатов в позициях, которые воплощают собой дискреционную власть. Исторически credenциалистская инфляция ведет к образовательной экспансии на вершине credenциалистских иерархий. Кризис credenциализма может произойти на

креденциалистских рынках, и государство могут быть в большей или меньшей степени вовлекаться в регулирование креденциалистских рынков и кризисов.

Образовательные credentials использовались рядом профессиональных групп для социального закрытия, защиты собственных привилегированных профессиональных позиций и повышения уровня доходов. Успешность такой стратегии поддерживалась умелой имитацией собственной «профессиональности» целым рядом вновь появившихся или получивших массовое распространение занятий, например, в таких областях как бухгалтерский учет, страховое дело или государственная служба.

Однако расцвет креденциализма как тренда, поддерживающего профессионализацию, продолжался относительно недолго, и уже в 60-е годы массовизация высшего образования привела к инфляционному кризису в этой сфере: образование перестало быть залогом профессионального успеха. Наиболее сильно пострадали занятия, подверженные организационному и менеджеральному контролю – инженеры и техники. Из основания профессионального статуса оказался вынут базовый элемент, что привело к ряду противоречивых тенденций эволюции профессионализма. С одной стороны открылись возможности обретения профессионализма целым рядом новых занятий, в другой – некоторые профессии, опиравшиеся в своих притязаниях на креденциалистский ресурс, утратили былой блеск. Коллинз питал слабую надежду на образовательную реформу как способ преодоления креденциалистского кризиса, который имеет долгосрочный характер (порядка ста-двухсот лет) и приводит к упадку роли креденциалистски-ориентированной профессиональной системы. Впечатляющими примерами этого упадка является крах модели Средневекового университета и классической иерархии профессий, которую он поддерживал своим

авторитетом. Роковые знаки кризиса, продолжающиеся во времени включают спад числа учащихся и закрытие учебных заведений, рост платы за обучение, общественные атаки на образовательную кредитоспособность, инфляцию научных степеней и умножение числа обесцененных степеней, выдаваемых после окончания образования[5].

Отдельной темой является исследование отношений между кренциалистской конкуренцией и профессиональной структурой. Рост требований работодателей для сертифицированного труда не может быть объяснен только в терминах исключаяющих тактик профессиональных анклавов, стремящихся к ограничению числа вступающих в профессию, в условиях постоянно растущих требований. Требования для высокообразованной рабочей силы возросли, тогда когда всё больше людей становилось занято в технической, управленческой или профессиональной сфере. Эти изменения в требованиях при приеме на работу не только отражают возрастание технологической сложности современного производства, но изменения в моделях организационной эффективности, где ключевые компетенции занятых строятся вокруг способности самостоятельного решения проблем, умения работать в команде и навыков самоменеджмента. Этот сдвиг от «бюрократической» к «гибкой» парадигме организационной эффективности [10] означает, что это не просто вопрос приобретения credentials, чтобы двигаться вверх по бюрократической иерархии, способ поддержания потенциальной способности устройства на работу, сохранения конкурентоспособности на внутренних и внешних рынках труда посредством приобретения внешним образом валидированных credentials, тренингов, развития социальных сетей. Поэтому основными чертами западноевропейского рынка труда в 80- и 90-е годы стал, во-первых, рост требований к работникам, занятым инженерной, управленческой и профессиональной деятельностью и, во-

вторых, более интенсивная борьба за конкурентные преимущества в области образования и на рынке труда[14].

Можно сказать, что конец проекта Просвещения наступил, когда изменилось отношение общества и государства к системе образования. В 80-е годы на смену идеологии всеобщего образования, построенного на меритократическом принципе, пришла неолиберальная идеология образования как сектора экономики, живущего по рыночным правилам. В связи с этим в дискурс об образовании прочно вошли понятия «выбор», «свобода», «конкуренция» и «стандарты». На смену меритократии пришла парентократия: в образовательной селекции возросла роль благосостояния и желаний родителей относительно будущего образования их детей и, при этом снизилась роль личных способностей и усилий самих студентов. Следовательно, уравнение «способности + усилия = достижения» сменилось уравнением «ресурсы+предпочтения = выбор»[15]. В России эта трансформация особенно ярко проявилась в стратегиях «нового среднего» и «нового высшего класса», направленных на реконверсию статуса посредством инвестиций в образование детей. Проведенное несколько лет назад исследование Ю. Зеликовой[11] продемонстрировало стремление родителей из новых состоятельных групп обеспечить своим детям credentials, которые позволят им в будущем сохранить и повысить свой социальный статус.

В России очень немногие занятия реально используют крeденциальный ресурс для укрепления собственной профессиональной монополии: врачи и юристы до последнего времени были, чуть ли не единственными профессиями, где специальное образование, подтвержденное соответствующим дипломом, служило действительно значимым фактором при формировании соответствующих рынков труда. Однако либерализация высшего образования, и, прежде всего, стремление большинства вузов обрести статус «классических университетов» с

полным комплектом факультетов приводят к стремительной креденциальной инфляции, когда даже самые стойкие бастионы профессионализма не выдерживают натиска массовизации.

Например, женщин-специалистов высшей квалификации в России почти вдвое больше, чем в Германии: соответственно 20% и 11,5%. Напротив, специалисты средней квалификации в России явно недопредставлены, причем в первую очередь - среди мужчин. Так, в России на долю специалистов средней квалификации приходится около 9% всех занятых мужчин, тогда как в Чехии и Германии – примерно 16%. В настоящее время почти две трети российских работников (62%) имеют либо высшее, либо среднее специальное образование[13].

Так креденциалистская инфляция может быть объяснена с помощью теории фильтров. Согласно теории фильтра, задача системы образования – не столько передача учащимся знаний и навыков, сколько проверка их способностей, которые не относятся к уровню и содержанию образования. Чем способнее человек, тем более высоких ступеней образования он достигает; аттестат или диплом всего лишь удостоверяют его более высокий креденциалистский уровень и фактически служат пропуском на лучшие рабочие места[13]. В подобных условиях гонка за credentials может приобрести иррациональный характер: если люди начинают в массовом порядке получать среднее образование, которое до этого было доступно лишь немногим, то тогда для уникального позиционирования на рынке труда следует поступать в колледжи, чтобы подтвердить свои преимущества в производительности и тем самым сохранить доступ к лучшим рабочим местам. Более того: при определенных условиях система отбора начинает давать сбои, выдавая за реально существующие фиктивные различия в способностях работников. В этом случае информационная ценность образовательного сигнала становится близкой к

нулю, поскольку credentials перестают быть свидетельством более высокой потенциальной производительности их обладателей[13].

Возможно, поэтому популярность высшего образования не только не падает, но стабильно растет, хотя мотивация у потенциальных студентов разная: реализацию «стремления стать хорошим специалистом» рассматривает в качестве основного мотива обучения в вузе 40% молодых людей[3].

Драматические трансформации постсоветского рынка труда и структуры занятости породили многочисленную группу тех, кто пострадал в ходе потери креденциалистского капитала. Российскими исследователями данная группа была обозначена как «постспециалисты» - дипломированные специалисты, обладающие практическим опытом работы, потерявшие социальные перспективы на современном рынке труда и вынужденные изменять свой социально-профессиональный статус. Согласно И.П. Поповой постспециалисты в наибольшей степени подвергаются высвобождению с мест основной занятости, не имеют перспектив трудоустройства в соответствии с полученным образованием, а обновление их креденциального ресурса чаще всего сопряжено с утратой достигнутой профессиональной квалификации[12].

Как отмечает другой российский исследователь, Б. Гладарев «для большинства «советских специалистов» внедрение рыночных механизмов (особенно на рынке труда) стало неприятной неожиданностью»[16]. Неожиданно оказалось, что их профессиональный капитал не является реально конвертируемым, то есть, новая Россия больше нуждалась в менеджерах, продавцах и рэкетирах, чем в «советской интеллигенции». Статус некогда престижных профессий резко изменился. Вот пример типичного высказывания одного из тех, кто потерял накопленный креденциалистский ресурс[16]:

«Мне было очень сначала тяжело. Как-то вот это унижение пережить... Получается, что все, кто и образования никакого не имел, и культуры-то никакой... они из-за того, что у них полные карманы денег... они на тебя смотрят, как это... Вот эти моменты, когда резко вот это изменилось». (ученый, жен., 1950 г. р.)

Ключевые характеристики данной группы – относительно высокий достигнутый преимущественно в прошлом социально-профессиональный статус, уровень образования и специальной подготовки, утрата накопленного символического и социального капитала в процессе рыночных реформ, ведущая к значительному снижению доходов и потере бывшего профессионального положения при отсутствии возможностей его восстановления[12].

Навстречу друг другу идут две тенденции: с одной стороны, кризис крeденциализма, порожденный углубляющимся разрывом между выросшим числом дипломированных специалистов и потребностями рынка труда и, с другой стороны, для занятия большинства перспективных должностных позиций требуется всё большее число сертификатов, подтверждающих компетенции их владельца, как в случае с популярной степенью MBA в сфере управленческого найма.

Резонно предположить, что в ходе реформы системы высшего образования с переходом на двухуровневую систему проблема крeденциалистской инфляции на рынке труда только усугубится. Во-первых, возрастет число людей имеющих базовое высшее образование (степень бакалавра), полученное не только в вузах, но и в колледжах. Доля лиц с высшим образованием в общей численности занятых в экономике составляет 25%. 450 студентов на 10 тысяч населения вместо 170 в СССР ставит Россию в первую тройку стран по охвату высшим образованием. Лишь около трети выпускников вузов в России действительно работают по специальности, востребуют свои профессиональные знания и умения. В

России массовизация высшего образования протекает на фоне демографического спада. В России трансформации подверглась структура профессиональной подготовки: по данным Росстата, в 2003 г. выпуск специалистов по гуманитарно-социальной группе специальностей вырос по сравнению с 1990 г. почти в четыре раза – с 48,8 тысячи выпускников в год до 185,6 тысячи, а по экономико-управленческой почти в пять раз – с 55,5 тысячи человек до 248,2 тысячи[16,17]. Скорее всего (это предмет отдельного исследования), диплом бакалавра долгое время большинством работодателей не будет восприниматься как полноценный credentials уровня высшего образования. Существует опасность, что инфляция степени бакалавра низведет её до уровня диплома о среднем специальном образовании (выпускник техникума) с соответствующими негативными последствиями для бакалавров: отсутствие перспектив для карьерного роста, разрушение профессиональной автономии, дискриминация в области оплаты труда. Во-вторых, может наблюдаться «балканизация»¹ профессиональных рынков труда: уже сейчас слышны требования ряда профессиональных сообществ (например, инженеры) о том, что двухуровневая система образования для них не подходит, и они хотели бы оставить диплом «специалиста» и пятилетнюю подготовку в качестве основной. В результате, не только врачи и архитекторы, чья продолжительность обучения в советской системе превышала пять лет, получают особые credentials, но и другие профессии создадут локальные системы credentials, запутав рынок труда. В-третьих, двухуровневая система может способствовать сокращению возможностей для вертикальной социальной мобильности: большинство сможет получить на бесплатной основе степень «бакалавра», но, дальнейшее образование, в силу его стоимости и ограниченности предложения может оказаться

¹ «Балканизация» - состояние организации, структуры, института, при котором они представляют собой «лохмотное одеяло», раздираемое внутренними противоречиями (отсылка к политическим перипетиям балканских стран).

недоступным. То есть будет сформирован «новый пролетариат» постиндустриального общества – массовый класс «белых воротничков», с высоким уровнем социальной депривации.

Россия активно интегрируется в Болонский процесс, что, конечно, уменьшает перспективы провинциализации отечественного высшего образования, но вместе с тем, возможно, усугубляет инфляционный кризис credenциализма. Истоки credenциалистской инфляции следует искать в недавней советской истории, когда наличие диплома (чаще всего инженерного) перестало гарантировать качественного роста социального статуса. В 1990-е гг. credenциалистская инфляция усилилась в ходе системных сдвигов на рынке труда – в какой-то момент диплом о высшем образовании вроде бы не значил ничего, но при этом он требовался даже при получении неквалифицированной работы (продавец). Важна стала не специальность, а сам факт наличия диплома о высшем образовании. Наконец, сегодня главный тезис Болонской декларации, последовательно проводящийся в жизнь на российской почве заключается в переходе на систему высшего образования «4+2», что помимо прочего способствует формированию новой стратификации на рынках труда квалифицированных кадров: в результате есть опасность гиперинфляции бакалаврского диплома, при одновременной переоценке credenциалистской стоимости диплома магистра. Р. Коллинз и другие сторонники концепции credenциализма рассматривали различные сценарии трансформации образовательной системы. Возможно, их идеи и подходы могут оказаться полезными и применительно к современной России.

Список литературы:

1. Бек. У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000, с.219.

2. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000, с.79.
3. *Гудков Л., Дубин Б., Леонова А.* Образование в России: привлекательность, доступность, функции// Вестник общественного мнения №1 (69), 2004. с.35-55.
4. *Дарендорф Ч.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002, с. 192.
5. *Brown D.* The Social Sources of Educational Credentialism: Status Cultures, Labor Markets and Organizations//Sociology of Education, Vol.74, 2001, p.19-34.
6. *Carr-Saunders A.M., Wilson P.A.* The Professions Oxford: Clarendon Press, 1933.
7. *Collins R.* The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification. New York: Academic Press, 1979.
8. *Larson M.* The Rise of Professionalism. Berkley: University of California Press, 1977.;
9. *Parsons T.* Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences., The Macmillan Company & The Free Press., 1968., pp. 536-547.
10. *Лукичев Г.* Императив модернизации: международное измерение. Новая реальность нового века (рукопись).
11. *Лукичев Г.А.* Транснациональное образование // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2002. № 1. С. 71-75.
12. *Галушкина М.* Экспорт образования// Эксперт № 26 2004
13. *Мельвиль А.* Россия в мировых рейтингах: перезагрузка//Эксперт, №43(537), 29 ноября 2006, с.12-14.
14. *Сафонова М.* Каждый должен быть иногородним. (образовательная миграция: освоение нового социального пространства)
15. *Ладыжец Н.С.* Философия и практика университетского образования. Ижевск: Изд-во Удм. Ун-та, 2004.
16. *Кузьминов Я.* Высшая школа: Поточный метод//Коммерсантъ, 13.11.2006, №213 (1740).
17. *Княгинин В., Трунова Н.* Массовое образование: социальный запрос или потребность экономики?//Платное образование, 2006г. № 5 .с.18-21.

Сведения об авторе:

к.социол.н., доцент Роман Николаевич Абрамов,

Представляемая организация	Государственный университет-Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ)
Должность	доцент
Адрес	101000, Москва, Мясницкая 20, кафедра анализа социальных институтов
Телефон (служебный)	095 1520931
Телефон (домашний)	095 4329016
e-mail	socioport@yandex.ru